

Научная статья

Этнология, антропология и этнография

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

EDN: ARWSNM

УДК 811.511.11

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ КРЮКОВ

ассоциированный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kauko@mail.ru

КТО ТАКИЕ СОМРЯКИ?

Аннотация. Сомряки – название этнолокальной группы населения юго-западной части Ленинградской области. Научной литературы о сомряках не существует, а упоминания об этой группе населения вызвали вопросы об их этничности и языке. Сведения о сомряках записаны автором в 1990-х годах у ингерманландских финнов и ижор, в 2000-х годах – в ареале сомряков. В статье приведены этнографические сведения о сомряках, в том числе представления самих сомряков об их связи с бывшей в их местности чуди. Приведена история упоминаний этнонима *сомряки* в русском языке и параллели данного этнонима в прибалтийско-финских языках. Рассмотрены возможные этимологии этнонима *сомряки* и гидронима *Самро*. Статья включает полевые материалы автора.

Ключевые слова: сомряки, вода, ижоры, чудь, ингерманландские финны, этнолокальные группы, этнонимы, топонимы, этимология

Благодарности. Автор благодарит М. Браудзе за техническое содействие, Т. Тупина и М. Муслимова за обсуждение темы при написании этой статьи.

Для цитирования: Крюков А. В. Кто такие сомряки? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 105–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

ВВЕДЕНИЕ

В наше время этноним *сомряки* относится к пласту лексики, далекой от современных реалий; в обычной речи его можно услышать, когда говорят о прошлом, это относится к представителям различных этнических групп населения Ингерманландии – русским, финнам, ижорам, воде, эстонцам.

В 1990-х годах автор занимался полевыми исследованиями ономастики и этнографии финноязычного населения Ленинградской области и впервые услышал о сомряках от коренных жителей Волосовского, Гатчинского и Кингисеппского районов, где это название в недавнем прошлом было, по-видимому, общеизвестным. В представлении жителей Ингерманландии сомряки – население обширной местности, в середине которой находится озеро Самро¹; о сомряках говорили как об особой народности, близкой ижорам и «чуди» (води), или как о своеобразной группе русского населения. От жителей Ингерманландии автор слышал об особом «языке сомряков», а также суждения об их активности, занятиях и умениях (эти сообщения относились к началу XX века). В 2006 и 2009 годах автор предпринимал исследовательские поездки к сомрякам.

Необходимость полевых исследований на месте была актуальной ввиду того, что научной литературы о сомряках не существует, а исторические свидетельства о сомряках – весьма лаконичные упоминания, самое раннее из которых относится к XIX веку. Сообщения о сомряках вызвали вопросы об их этничности и об их языке – возникло предположение о существовании в недавнем прошлом неизученной этнической группы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О СОМРЯКАХ

Вопрос происхождения сомряков связан с проблемой чуди – дославянского населения региона. На русском Северо-Западе название *чудь* относилось к носителям прибалтийско-финских языков – предкам эстонцев, води, вепсов и др. В вопросе о сомряках важно, что в XVIII–XX веках *чудь* было названием води. В частности, вода описана как чудь у Ф. Туманского² и Л. Ф. Трефурта (XVIII век)³; в начале XIX века А. Шёгрэн констатирует что *Watialaiset* называются у русских *Tschuden*⁴. В конце XX – начале XXI века русский экзотоним *чудь* относился к центральной и восточной води [4: 179–180].

Исследователи XVIII века, писавшие о води («чуди»), по-видимому, ничего не знали о со-

мряках. Л. Ф. Трефурт в своих трудах «Von den Tschuden» («О чуди», 1783) и «Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden» («Продолжение сообщения о чуди», 1785) говорит только о води и не упоминает о сомряках. Ничего не сообщает о сомряках и Ф. Туманский (1790). Вместе с тем из карты, приведенной в труде Ф. Туманского, следует, что «чюди» (водь) населяли земли как севернее, так и южнее р. Луги – до побережья Чудского озера (рис. 1).

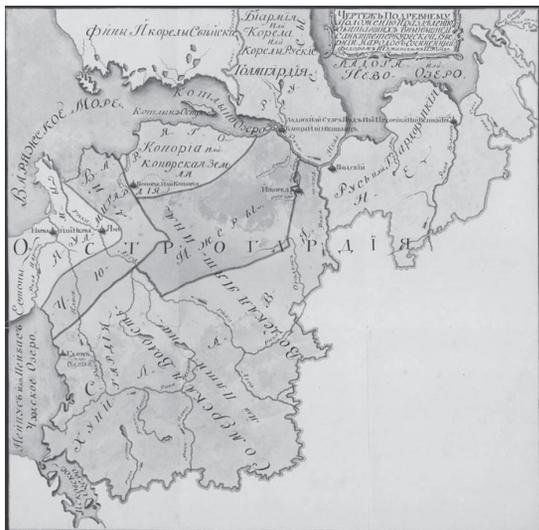

Рис. 1. Часть карты Санкт-Петербургской губернии Ф. Туманского (1790)⁵. Сомерская волость граничит с областью «Чюди» на западе и «Ижеры» на севере. «Ямы» занимают Понаровье и нижнее Полужье

Figure 1. Part of the map of the Saint Petersburg Province drawn by F. Tumansky, 1790. The Somerskaya Volost borders the “Chyudi” region in the west and the “Izhery” region in the north. The “Yamy” occupy the Ponarovyе and the lower Poluzhye

Ефим Андреев, церковный активист и просветитель, местный уроженец (родом из д. Выскатка), написавший «Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда» (1865), в разделе «округ Сомро» пишет:

«Жители этого округа принадлежат к двум разным поколениям, отличающимся наречиями. В восточной части, по реке Сабе, и в самой северной, у впадения Сомры в Долгую, живет древнее поколение новгородское, говорящее новгородским наречием. Напротив около озера Сомры и по реке Долгой – народ коренного чудского происхождения, и в деревнях говорят особым наречием, в котором много дикости и поэзии»;

и даже описывает «арбуя» (волхва) в д. Чудиново⁶. Ефим Андреев не употребляет названия *сомряки*, но из дальнейшего повествования понятно, что речь идет именно о них.

Упоминания названия *сомряки* появляются только на рубеже последней четверти XIX века. Из «очерка Ругодивцева» (1873) следует, что «сомряки и сомрячки» населяли окрестности Долоцкого погоста⁷. «Исследователь чуд-

ской истории» Г. Трусман (1884) на основании своих этнографических наблюдений предполагал, что в прошлом территория води занимала значительную часть Гдовского уезда⁸. Трусман описал ряд местных обычаев и отметил сходство местных диалектных слов с эстонскими и финскими словами⁹. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии (выпуск 10, 1885 год) упоминают «финнов» в погосте Рудном, а в погосте Черном в д. Медвежек «до 120 душ обрусевших эстонцев»¹⁰ и не отмечают каких-либо особенностей русского населения. Интересное сообщение о сомряках (в основном фольклорного свойства) обнаружено в воспоминаниях белогвардейского офицера А. С. Гершельмана, относящихся к 1919 году¹¹. В. Будько в большом труде «Север Гдовщины» (2005) подчеркивает этническую обособленность сомряков от жителей соседних волостей севера Гдовщины¹² и сообщает, что сомряков считали ижорами¹³.

Сомряков хорошо знали ижоры. Р. Нирви приводит известие, записанное у сойкинских ижор (в д. Вистино):

«Сомра это местность, где живут сомряки (*somrakad*), по реке Луге, к югу от Веймарна (в Гдовском уезде?). Там ткали много льняной ткани; у ижор ценилась эта ткань (*somran kankahad* ‘сомрянские ткани’). Ижоры полагали, что сомряки говорят по-русски и на своем языке, который похож на финский. По мнению ижор, сомряки были отсталые и глупые. Они жили в большом числе в Нарве»¹⁴.

Сомряков знали у западной води. Дмитрий Цветков сообщал, что в водском диалекте деревни Краколье сомряк назывался *somrök* (мн. ч. *somrököd*). Сомряк – странствующий торговец, русский коробейник (фин. *kiertelevä venäläinen*); сомряки населяли какие-то местности по р. Луге¹⁵. Лаури Пости показал, что в водской деревне Куровицы знали местность *Somga rooli* (водск. *rooli* ‘половина, сторона, страна’) и деревню *Somga*¹⁶. Возможно, *Somga rooli* составляло оппозицию к *Vairooli* ‘местообитание западной води’¹⁷.

Сомряков знали в Эстонии. По свидетельству Пауля Аристе, в начале XX века в западном Причудье выходцев из окрестностей оз. Самро (*Somero*) называли *somrakud* или *sombrakud*. В Эстонии они занимались торговлей лошадьми. Эстонцы считали их разновидностью ижор [2].

Таким образом, ареал, в котором известно о сомряках, можно представить в виде окружности, доходящей на севере до побережья Финского залива, а на западе охватывающей всю Эстонию. Периферию ареала известности сомряков на востоке и юге составляют Петербург, Новгород и Псков. Этот ареал определялся, как будет показано ниже, экономической активностью сомряков.

«СТРАНА СОМРЯКОВ»

В представлении жителей Западной Ингерманландии *Somra pooli*, по-русски Страна сомряков, – равнинная, слегка холмистая местность, где было «семь волостей и сто деревень». В центре этой местности находится большое озеро Самро (водск., иж. *Somra*, инг.-фин. *Somra / Somero*).

Озеро Самро имеет округлую форму; его длина составляет 8,8 км (с северо-запада на юго-восток), ширина – 6,5 км (с севера на юг). Площадь озера – 40,4 км². Озеро занимает блюдцеобразную котловину с плоским дном. Преобладающие глубины – менее 1 м; у восточного края озера есть впадина с глубинами 5–6 м. Дно озера в восточной части – песчано-галечное, в западной – илистое. Западный берег болотистый. Северный и восточный берега озера частично холмистые, у кромки воды усеянные галькой и гравием¹⁸. В окрестностях озера Самро возвышенности достигают высоты 90–100 м над уровнем моря. Главные реки «страны сомряков» – Долгая, Лыченка и Саба – левые притоки Луги; р. Самро (Сомра) – приток Долгой, р. Сарка – приток Сабы, на севере р. Луга – граница Ямбургского уезда.

Во второй половине XIX века «страну сомряков» составляли четыре волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии – Доложская (с 1864 года – Константиновская), Ложголовская, Осьминская и Старопольская (рис. 2). В советское время «страну сомряков» соотносили с Осьминским районом Ленинградской области (существовал с 1927 по 1961 год).

Позднее сложилось более широкое понимание «страны сомряков» в представлении окружающего населения – Сланцевский район (восточная часть «страны сомряков» вместе с селом Осьмино отошла к Лужскому району).

ДРЕВНОСТИ «СТРАНЫ СОМРЯКОВ»

Естественные характеристики озера Самро и соседних озер позволяют предполагать, что берега этих озер были обитаемы еще до наступления эры земледелия. Впрочем, следов каменного века в окрестностях озера Самро не обнаружено. Археологические памятники «страны сомряков» – курганы, грунтовые могильники, жальничные могильники, каменные кресты, селища и городища; датировка этих памятников весьма приближительна: вторая половина I – первая половина II тыс. н. э. [5: 8, 50–68]. Надо заметить, что местное население не знает «курганов» и «жальников» – здесь их называют «могилами».

Основная часть новгородской земли – Приильмень; вероятно, отсюда и из верхнего Полу-

Рис. 2. Фрагмент карты волостей С.-Петербургской губернии¹⁹. Красной линией обведены четыре волости, составлявшие «страну сомряков», – Доложская, Ложголовская, Осьминская и Старопольская. Желтой линией обведены Выскацкая и Добручинская волости (расширенное понимание «страны сомряков»)

Figure 2. Fragment of the map of volosts within the Saint Petersburg Province. The red line outlines four volosts comprising the “land of the Somryaks” – the Dolozhskaya, Lozhgolovskaya, Osminskaya, and Staropolskaya volosts. The yellow line outlines the Vyskatskaya and Dobruchinskaya volosts (an expanded vision of the “land of the Somryaks”)

жья словене распространились вниз по р. Луге на Самро. Область восточнославянского расселения, определяемая по атрибутике курганов X–XIII веков, захватывает междуречье Наровы и Плюсы, всю «страну сомряков» до р. Верцы на севере и все Ижорское плато [8: 35–36]. Курганные могильники, в которых встречались характерные финно-угорские украшения (в том числе «многобусинные височные кольца»), определяемые как памятники води, сосредоточены в нижнем течении р. Плюсы и ее притоков (Большие Поля, Гостицы, Малая Руя, Засторонье). Начиная с XIX века многие исследователи полагали, что территория води в прошлом была намного больше и, в частности, простиралась далеко на юг (А. Лерберг, Г. Трусман, Д. Бубрих); у археологов сложилось представление о «южной води» в восточном Причудье [8: 40].

Длинные курганы – памятники славян VIII–IX веков, известные в верхнем Полужье и в среднем течении р. Плюсы, – отсутствуют в окрестностях оз. Самро; ареал новгородских сопок тоже не захватывает окрестности оз. Самро [7: 46–49, 58–61]. Следующим после сопок типом погребальных памятников новгородских словен были круглые курганы, по внешнему виду сходные с погребальными насыпями других восточнославянских племен; в ряде мест курганы распространяются за пределы территории сопек – видимо, в IX–X веках славянское население продвигалось

на северо-запад, в южные районы Ижорского плато и на восточное побережье Чудского озера [7: 169–170].

Курганы IX–X веков есть в окрестностях Осьмина и Гусевой Горы. Многие курганные захоронения носят признаки финно-угорской погребальной обрядности – в новгородских курганах умерших клали головой к западу, что соответствует общеславянской погребальной традиции; на территориях, где славянскому населению предшествовало финно-угорское, умерших хоронили головой на север или на юг, что соответствует древнему финно-угорскому погребальному обычаю. Курганы, содержащие погребения с меридиональным положением тел умерших, открыты в Осьмино и Малых Полях [7: 171–173].

На основании памятников, определяемых как водские, В. Седов причисляет к территории прежнего расселения води верхнее Понаровье, нижнее течение Плюсы, бассейны правых притоков р. Плюсы вплоть до р. Долгой на востоке. Находки ромбоштитковых височных колец, считающихся этноопределяющим признаком новгородских словен (Доложское, Осьмино), позволяют думать, что окрестности оз. Самро входили в территорию расселения словен в XI–XIV веках [7: 176–177]. Жальничные захоронения XIII–XV веков (Гостицы, Гусева Гора, Савиновщина, Хрель) полагают результатом эволюции курганных захоронений; каменные кресты (главным образом намогильные) датируются XIV–XV веками [7: 180–183].

Земледельческое освоение окрестностей озера Самро привело к возникновению деревень на возвышенностях. Появление множества русских ойконимов в XV веке (*Восмина, Вшекичи, Кошелевичи, Лычно, Менюша, Освища, Сватково, Хотели* и др.) может означать, что земледельческое освоение этой местности было по большей части делом рук древнерусского населения. Вместе с тем «чудские» ойконимы на возвышенностях – *Ложголово, Чудиново, Чудская Гора* и другие, известные по писцовым книгам 1498–1499 годов²⁰, говорят о том, что земледелием занималось и чудское население. Можно предполагать, что «чудь» освоила земледелие еще до появления здесь древнерусского населения либо под влиянием соседнего древнерусского населения. Обрусение «чуди» продолжалось на протяжении нескольких столетий и завершилось образованием более или менее этнически однородного населения.

СУМЕРСКИЙ ПОГОСТ И СУМЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

Территория «страны сомряков» в общем совпадает с границами Сумерского погоста – административной единицы Новгородской земли в XV–XVI веках²¹. Название Сумерского погоста

образовано, очевидно, от лимнонима *Сумро* («деревни на Сумрѣ»).

На протяжении XVI века количество погостов возрастало. В «сотной» 1627/28 года на месте Сумерского погоста выступает Сумерская волость, состоящая из пяти «сотен»: Осминская с селом Осминым на р. Сабе, Долоская с погостом Чехловым «по конец Долгого озера», Никольская с селом Песьим над озером Сумром и селом Релью, Ложголовская с погостом Сумерским под названием Пенино и Старопольская с селом Валовым²². Территория Сумерской волости XVII века соответствует Сумерскому погосту конца XV–XVI веков.

Обратим внимание на длительное пограничное положение Сумерской волости. До 1510 года Сумерский погост граничил на западе с Кушолской губой Псковской феодальной республики (в дальнейшем – Гдовского уезда Псковской земли в составе Московского государства). С 1611 по 1617 год Сумерская волость была под шведской оккупацией, а с 1617 года граничила по р. Луге с шведской Ингерманландией. В результате боевых действий местность пережила опустошения и, вероятно, частичную смену населения²³. В конце XVII века Сумерская волость именовалась также Сомерской²⁴. Во время Северной войны через Сомерскую волость проходили русские войска (поход Петра I на Нарву).

В 1708 году территория России была разделена на губернии. Сумерская волость оказалась в составе Ингерманландской губернии (с 1710 года – Санкт-Петербургской). В 1727 году была образована Новгородская губерния, при этом Сумерская волость вошла в состав Новгородского уезда Новгородской губернии. В 1777 году был основан город Луга, в 1781 году в составе Санкт-Петербургской губернии был образован Лужский уезд. С этого времени Сумерская волость перешла в состав Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии и оставалась «севером Гдовщины» до 1920-х годов.

В 1914 году Санкт-Петербургская губерния была переименована в Петроградскую. В 1920 году из Осьминской волости Гдовского уезда была выделена Самровская волость, а в 1922 году она была возвращена в состав Осьминской волости (теперь уже Ямбургского уезда). В 1924 году Петроградская губерния была переименована в Ленинградскую. В 1926 году волости «страны сомряков» входили в разные уезды Ленинградской губернии – Гдовский (Доложская и Старосельская) и Кингисеппский (Ложголовская и Осьминская). В 1927 году, с образованием Ленинградской области, был образован Осьминский район, территория которого в основном совпала с Сумерским погостом конца XV

века. В 1941 году образован Сланцевский район, в который вошли северные сельсоветы Гдовского района. В 1961 году Осьминский район был ликвидирован, его территория разделена между Сланцевским и Лужским районами (это было связано, видимо, с сокращением численности местного населения).

ЗАНЯТИЯ СОМРЯКОВ

На озере Самро ловили рыбу неводами. О рыбных богатствах озера Самро В. Будько сообщает: «Особенно гордились тем, что на Самро было 70 неводов. Это говорило о достатке сомряков и о наличии в озере больших запасов рыбы». Есть поговорка: «Чудское озеро кормит округу на 200 верст, а Самро – на 50»²⁵.

Из источников XIX века известно, что крестьяне присамринских волостей занимались земледелием, однако это не давало им достаточных средств к существованию, так что на полевых работах были заняты почти исключительно женщины, а мужчины летом проживали в Петербурге, где работали в извозе, услужении, печниками, мостовщиками; кроме того, они занимались мелкой торговлей, сбытом льна, скота и леса, выделкой овчин, продажей рыбы, купленной на Чудском озере, скупкой скота и телят, а также мяса, птицы, масла и зелени и сбытом в Петербург – это занятие называлось «маркитанством»²⁶. Отходничеством занимались и женщины (до брачного возраста), и подростки; в 1886 году по волостям севера Гдовщины различными промыслами занимались от 81 до 98 % всех семей²⁷. Как для мужчин, так и для женщин характерным было занятие торговлей. В Эстонии сомряков знали как торговцев:

«Жители присамрянских волостей – удачливые торгаши, известные далеко за пределами столичной губернии. В Эстонии любого разносчика и торгаша звали иносказательно “сомряк”, пусть даже он был татарин. Дело в том, что эсты почти не владели торговым ремеслом, и отчасти торговую нишу в Эстонии занимали наши земляки, из которых особенно выделялись сомряки»²⁸.

ЧТО ЗНАЛИ О СОМРЯКАХ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Жители Западной Ингерманландии – русские, финны и ижоры – представляют сомряков в виде деятельных, предприимчивых людей: «сомряки – не дураки». Сомряки «знают всякую работу», они земледельцы и рыбаки, при этом ремесленники и извозчики. Они обычные люди – небогатые, но и не самые бедные. Сомряки занимались отхожими промыслами: «лето красное настало – сомряка дома не стало», «бабы в поле падут, мужики в Питере». У сомряков особенный юмор – они любят насмешки, это их обычный

стиль поведения; «сомряки – народ полосатый» (то есть ведут себя по-всякому). С сомряками говорят по-русски, но между собой они говорят «по-своему». Впрочем, «язык сомряков» больше похож на русскую диалектную речь. Житель дер. Поречье Николай Берт (1922 г. р.) приводит пример разговора с сомряками: «Как мне проехать на Милкин разъезд?» – «А ни в ягута ни в ягута, а прямо тормоцью, и выдеш на коровий рык» (то есть ни налево, ни направо, только прямо, на мычание стада). Отличие сомряков от русских представлялось очевидным: «там сомряки, у нас русские», «у нас грибы, у сомряков блисы» (дер. Поречье, Кинг. р-н).

Главными селами «страны сомряков» в Волосовском районе называют Ложголово, Осьмино и Старополье. К «стране сомряков» нередко относят окрестности города Сланцы (бывш. Выскатская волость), местности у «Нарвского моря» (Низы, Чёрное) и деревни в среднем течении р. Луги (Сабск, Хилок и др.).

В 2000-х годах в г. Нарве информанты автора (финны и ижоры) сообщали, что послевоенное население Нарвы в значительной части составляют сомряки – так называли выходцев из Сланцевского района, в том числе из верхнего Понаровья, которые в 1990-х годах автоматически получили гражданство Эстонии, поскольку они сами или их родители в 1920–1940-х годах были гражданами Первой Эстонской Республики. Из этого следует, что жителей Понаровья в Нарве тоже причисляли к сомрякам (расширительное применение этнонима).

ПОИСКИ СОМРЯКОВ

Локальное самосознание сомряков оказалось размытым на периферии их территории. Жители Волосовского р-на (д. Сумск и Яблоничцы) считали, что расположенные немного южнее деревни Извоз и Волна – это уже сомряки. В Извозе (Вол. р-н) полагали, что сомряки живут еще южнее – в Сабске. В Сабске в ответ на вопрос о сомряках указывали на Осьмино. В Красных Горах (Луж. р-н) сказали: «сомряки, это Осьминский район». В с. Осьмино полагали, что сомряки живут у озера Самро. И только в д. Самро коренные жители подтвердили, что они и есть сомряки.

Те из местных жителей, с кем удалось пообщаться, произвели впечатление общительных, вежливых, доброжелательных, сдержанных людей. В их внешности можно увидеть сходство с ижорами и водью: уплощенное лицо, выраженные скулы, нос небольшой, лоб уплощенный и высокий, надбровья не выражены (рис. 3, 4). Речь обнаруживает присутствие логики и ясность мысли. В речи сомряков (в том числе

и между собой) достаточно юмора и самоиронии. Построение фразы естественно, безыскусственно. Особенности диалектной речи малозаметны (*Петярбург, сняток*).

Деревни «страны сомряков» расположены частью по берегам рек, частью на возвышенностях. Обычно в деревне одна улица (часто прямая), по обе стороны которой находятся дома. Жилые постройки часто квадратные в плане; много пятистенков (два входа с двух сторон). Обычное расположение домов в деревне – длинным фасадом вдоль дороги. Почти все старые дома обшитые и крашеные; чаще других цветов встречается темно-зеленый. Украшений (резьбы) не видно. Дома невысокие. Подклет низкий – «две ступеньки, и дома». Крыши старых домов четырехскатные. На крышах шифер поверх дранки. Крытые двory обычно расположены сзади домов. Связь дома и двора – однорядная, реже Т-образная.

В д. Сара-Лог коренной местный житель Иван Иванович Родин, 1924 г. р. (рис. 3), объяснил устройство своей деревни: две улицы вдоль р. Сарки, западная – Сара-Лог, восточная – Сара-Гора. Записаны фонетические формы местных ойконимов (здесь их не приводим). Четырехскатная крыша с декоративной деталью, напоминающей волоковое оконце, называется «колпак». Чухнами здесь именовали эстонцев.

В д. Чудиново Клавдия Ивановна Сергеева, 1926 г. р., родом из соседней дер. Псоедь, сообщила, что жители д. Чудиново не отличались в этническом отношении от окружающего населения. Название д. Псоедь считается «чудским»²⁹. В 1930-х годах от советской власти было предложение дать деревне другое название – «никто не согласился». Записаны фонетические формы ойконимов и катойконимы (псоедские и др.).

К западу от Осьмина появляются каменные двory и амбары, кирпичные дома постройки начала XX века. В д. Самро – двухэтажные кирпич-

Рис. 3. Иван Иванович Родин, житель д. Сара-Лог.
Фото автора, 2009 год

Figure 3. Ivan Ivanovich Rodin, a resident of the village of Sara-Log, 2009 (photo by author)

Рис. 4. Жители д. Самро (Песье).
Фото 1970-х годов из архива автора

Figure 4. Residents of the village of Samro (Pesye), 1970s (photo from author's archive)

ные дома, принадлежавшие местным крестьянам. Кирпичные постройки есть и в д. Шима.

У автора нет сведений о том, чтобы сомряки считали себя потомками чуди, однако местные жители часто упоминают *чудские могилы, чудские кресты, чудские названия* (топонимы). О бывшей здесь чуди говорят ойконимы *Чудская Гора* и *Чудиново*; недалеко находятся деревни Русско и Славянка. Похоже, что столетия тому назад здесь происходили русско-чудские контакты, результатом которых стало формирование этнической группы, получившей название *сомряки* и уже не считавшейся «чудью».

СОМРЯКИ О СЕБЕ

О своем селе и о сомряках рассказывают коренные жители д. Самро – Антонина Александровна Лебедева, 1927 г. р., и Галина Вениаминовна Дементьева, 1934 г. р.:

«Самро – село Алексеевское, оно же Песье. До войны было 300 домов (видимо, преувеличение. – А. К.). Был дом на дому. Между Чайкиной и Лужкиной буквально полметра, так тесно. Был пожар в 58-м году. Выгорело почти всё село.

Наши праздники – Богородица и Фомино. Старая церковь была деревянная, Николай Угодник, сделана без единого гвоздя. Там и кладбище – погост. Старую церковь немцы растащили – мостить дорогу. А часовня была в лесу, на горе – в сторону Белого озера.

Самровские фамилии – Андриановы, Дементьевы, Николаевы, Ивановы, Карповы, Лебедевых полдеревни, Савины, Федотовы, Чайкины. Кирпичный дом Сладкова Андрея – он раскулачен и выслан. Два двухэтажных дома Латовых, один из них кирпичный. Дом Малафеевых – они раскулачены, а дом пропал в войну – разобрали. Дом Моисеевых – они раскулачены, дома нет, остался каменный двор. Карповы (“Кузнецовы”) высланы “в топкий район” (в Тосненский, на торфоразработки. – А. К.). Были арестованы поп и дьякон, их дома стоят и сейчас. В доме дьякона Николая – библиотека. Крайний дом – пона Заборовского, там была школа при нас.

Наше село, три конца. Наш край – *Сиреневый Куст*, тот конец деревни – *Задунай*, а *Горка* – в сторону. Гово-

рили, что было три мужика – Горкин, Гниленкин и Копылов. От них всё село. А Гниленка есть рядом с Будиловым, там не сомряки.

Сомряки это наш сельсовет, четыре деревни – Горестницы, Замошье, Шима и Самро. Когда-то давно считалось, что деревни с той стороны озера всё считалось сомряки. Мы этого раньше не знали, узнали – удивились.

У нас все рыбаки. Всё время рыбачили. И землю возделывали. Ездили на заработки в Питер – для поддержания хозяйства. Многие работали на Путиловском заводе. У нас был рыболовецкий колхоз. Основная рыба – щука, плотва, окунь, лещи, подлещики. Раньше была уклейка.

Озеро было общее: Шимский берег, Подлесский берег, Дретенский берег (записано много названий, которых здесь не приводим. – А. К.). Рыбаки были – [деревни] Велетово, Морды, Марино, Дубок, Пенино – отсюда церковь видно, Дретно. В Подлесье тоже был рыболовецкий колхоз.

Славенка – соседняя деревня, это уже другой сельсовет. Славенские тоже рыбачили на нашем озере. Которские, Будиловские – те рыбачили на своём озере (Которское озеро. – А. К.). Горестницы и Замошье – они не рыбаки.

При колхозе рубили зимой лёд на озере. Рыба дышала, задохов не было. Как не стало колхоза, был задох, погибло много рыбы. Сейчас восстанавливается. Озеро обмелело, зарастает. На той стороне даже острова появились.

Чудка – речка с нашего озера (на карте это р. Самро. – А. К.). На Чудке была мельница, где Козья Гора. Долгая речка – с Будилова, со Спас-Которского озера.

Ловили и на Белом озере. После войны там вытравивали щуку, выпустили карпа и пелядь. Но карп у нас не размножился. Сейчас там окунь и щука.

У нас дощатые лодки – не челны. Мы видели челны в других деревнях. У нас наверное раньше тоже были челны.

Сяберо, там тоже был рыболовецкий колхоз. Если на своём озере не ловится, наши ездили туда. И на праздники мы к ним ездили, и они к нам.

Наш язык (смеются) – были всякие слова (называют числительные от 1 до 10, почти чисто по-эстонски, затем русские диалектные слова).

Чудь – это старина. Чудские кресты, чудские могилы. Есть и литовские могилы, шведские могилы.

Чухны – это Исаково. Там были хутора. И по дороге было несколько хуторов. Хутор был на берегу Медведского озера. На хуторах жили чухны (эстонцы – А. К.). Хутора были где Мамина мыза, их перед войной перевезли в Исаково.

Наше село сильно пострадало в войну – пожрал Гитлер все. У нас немцы были два года. Их не боялись. Немцы нас никуда не выселяли»³⁰.

СОМРЯКИ И ЭСТОНЦЫ

В XIX – начале XX века в «стране сомряков» было и эстонское население. Эстонцы жили большей частью на хуторах, образовывавших протяженные хуторские поселки – *чухонцины* (Верца, Долгая Мельница, Исаково и др.). О национальных школах у местных эстонцев сведений нет,

как и известий о религиозной жизни эстонского населения. В 1936 году в Осьминском районе не было ни одного эстонского национального сельсовета. Отношения между сомряками и местными эстонцами не исследованы (могли быть взаимные влияния в плане языка, быта, ведения хозяйства, религиозной жизни).

Нынешние сомряки не знают, что их предки занимались торговлей на территории Эстонии. Вероятно, это дело более отдаленного времени (XIX – начало XX века). Связи сомряков с Эстонией прервались, видимо, после 1920 года. Позже предполагаемое русско-эстонское двуязычие сомряков могло подпитываться контактами с местными эстонцами.

ОБ ЭТНИЧНОСТИ СОМРЯКОВ

Насколько можно судить, сомряки не подчеркивали свою иноэтничность – они православные, у них русские имена, да и говорят они, в общем, по-русски. Складывается впечатление, что сомряки не отделяли себя от окружающего русского населения. Финны и ижоры также полагают их русскими, тогда как соседнее русское население отделяло их от себя, при этом и русские, и эстонцы (в Эстонии) считали их ижорами. Впрочем, это не должно вводить в заблуждение, поскольку западную воду тоже называли ижорами [4: 177–178].

Происхождение сомряков определенно связано с «чудью» – об этом говорят «чудские» топонимы, имена полумифические персонажей (Доломан, Шишимор), свидетельство Ефима Андреева, который называет их «чудским племенем» и упоминает у них «арбуя» (ср. фин. *аргоја* ‘ворожея’). Создается впечатление, что сомряки – относительно недавно обрусевшая группа «чуди».

В переписи населения СССР 1926 года сомряки показаны как русские³¹. Известно, что данные этой переписи неточны – достаточно сказать, что большинство ижор и води было записано русскими. Возможно, причина в том, что перепись населения 1926 года впервые ввела категорию «национальность», которая могла быть непонятна респондентам. В этой связи переписчики задавали наводящие вопросы, в том числе о языке – и если респондент отвечал на русском, то его могли так и записать³². Косвенно данные переписи населения 1926 года говорят о том, что в «стране сомряков» в это время в основном говорили по-русски. Возможно, нерусский язык сомряков, о котором знали ижоры, к тому времени вышел из употребления.

РЕЧЬ СОМРЯКОВ

Не вызывает сомнений, что основным языком сомряков на протяжении столетий был русский (в

форме местного диалекта). На диалектных картах ареал сомряков отнесен к гдовской группе среднерусских говоров, однако известно, что речь сомряков была малопонятна жителям соседних волостей.

Автору неоднократно приходилось слышать, что у сомряков был «свой язык». Возможно, это был диалект русского языка (диалектная речь сомряков могла быть непонятной ижорам, которые знали «нормальный» русский язык). Вместе с тем возможно, что диалект сомряков сохранял прибалтийско-финский субстрат – либо что помимо своего диалекта у сомряков был непонятный посторонним жаргон, или «тайный язык» (криптолект).

Сообщения о бытовании у сомряков в недавнем прошлом особого прибалтийско-финского языка вызывают определенные сомнения. Существовало, что Г. Трусман, побывавший, как следует из его рассказа, в Карино, Ложголово и Старополье, никакой прибалтийско-финской речи там не услышал. Также из сообщения Е. Андреева о бытовании у жителей окрестностей оз. Самро особого языка не следует, что это прибалтийско-финский язык, возможно, это был малопонятный окружающим русский диалект; прямое указание на то, что язык сомряков похож на финский, сохранилось только в представлении ижор. Вместе с тем, по материалам автора, в западной Ингерманландии сомряки обнаруживали понимание языка ижор, в Эстонии они говорили по-эстонски и «по-своему» – и их понимали эстонцы³³. Непонятно, идет ли речь о двуязычии, о каком-то арго или об особом прибалтийско-финском диалекте сомряков. Важно, что есть и другие свидетельства бытования в Гдовском уезде (Добручинская волость) в начале XX века какого-то прибалтийско-финского языка – во всяком случае, не эстонского («Гуслияр Смоленский и его земляки до сих пор еще говорят на языке выродившегося финского племени Ямь»³⁴). Добручинская волость находилась у северо-восточного побережья Чудского озера, то есть почти рядом со «страной сомряков». Обратим внимание на сходство приведенного этнонима с «ямами» Туманского (ареал «ямов» захватывал, согласно карте Туманского, все Принаровье, начиная от Чудского озера). Таким образом, сообщение о «ямах» Добручинской волости подтверждает возможность существования в начале XX века неизученных и практически неизвестных групп прибалтийско-финского населения на Гдовщине.

По всей видимости, в течение всего XX века диалект сомряков активно вытеснялся нормативным русским языком. В 1993 году лексиколог М. Муслимов предпринял поездку к сомрякам с целью исследования их лексики и запи-

сал там несколько слов прибалтийско-финского происхождения, напр. *ванкур* ‘особый вид телеги’ (лексема известна также на нижней Луге у ижор и местных финнов), и русских диалектных слов, напр. *вятерь* ‘рыболовная снасть, корзина из прутьев лозы’ (в Ингерманландии это также заплечная корзина для сена)³⁵.

Поездки автора к сомрякам в 2006 и 2009 годах показали, что им известны многие севернорусские слова, имеющие близкие по звучанию и по содержанию соответствия в прибалтийско-финских языках, напр.: *витса* ‘прут’ (иж., фин. *vitsa*), *коломки* ‘кладбище’ (эст. *kalm*, водск. *kalmo*, иж. *kalmad*), *корба* ‘густой лес’ (фин. *koipi*), *лайба* ‘судно, корабль’ (водск. *laiv*, фин. и иж. *laiva*), *лайда* ‘отмель на озере’ (фин. *laito*, эст. *laid*), *лох* ‘лосось’ (иж., фин. *lohi*), *лухта* ‘луг’ (иж., кар. *luhta*), *мута* ‘ил’ (иж. *muda*, фин. *muta*), *райда* ‘ива’ (фин. *raita*, вепс. *raid*), *сорога* / *сорожка* ‘плотва’ (водск. *särč*, иж. *särgi*, эст. *särg*, фин. *särki*). Некоторые из этих слов (*корба*, *лайда*, *лох*, *лухта*) определено происходят из прибалтийско-финских языков [б: 231, 243, 166, 257], другие связаны как с прибалтийско-финской, так и с общерусской лексикой, напр.: *мута* (ср. рус. *муть*, *мутный*), *райда* (ср. рус. *брёда*, *ракита*), *сорога* / *сорожка*, и их прибалтийско-финское происхождение неочевидно [б: 261–262, 111–113, 194–195].

Названия орудий для лова рыбы имеют созвучные соответствия в прибалтийско-финских языках: *невод* (водск. *noot*, иж. *nootta*, фин. *nuotta*), *мерёжа* и *морда* (водск. *mõrt*, иж. *merda*, фин. *merta*), однако происхождение этих слов дискуссионно, поскольку они известны по всему ареалу русского языка³⁶ и не обязательно связаны с «чуждым» субстратом.

Самые замечательные находки автора из лексики сомряков – глаголы-маркеры *рякать* / *рячить* ‘говорить на наречии сомряков’ (ср. эст. *gääkima* ‘говорить’, севернорус. *речить* [З: 166]) и *лякать* ‘говорить по-ижорски’ (ср. иж. *läätä* ‘говорить’, *mie läkkän* ‘я говорю’, севернорус. *лечатать* ‘быстро говорить’). Считается, что эстонский глагол *gääkima* ‘говорить’ связан с нижне-нем. *spreken*³⁷, но также можно предположить связь *gääkima* и *рякать* с рус. *речь* (ср. рус. диал. *речить*, *возрекать*, *вырекать*, *дорекать*, *зарекать*, *пререкать* и др.³⁸), так что считать глагол *рякать* субстратным, в общем, нет оснований.

В целом надо признать, что диалект сомряков не изучен и возможности его изучения в наше время в значительной мере утрачены.

ЭТИМОЛОГИЯ ЛИМНОНИМА САМРО

Что означает название Самро? В наше время это слово произносят с ударением на второй

слог, но так было не всегда – это вполне очевидно из хронологического ряда упоминаний данного лимнонима:

1498: погост Сумерской, д. Поречье на Сумрѣ, д. Освища на Сумрѣ (здесь – на р. Сумре. – *А. К.*), д. Песье над оз. Сумром³⁹.

В XVI–XVIII веках – Сумерская / Сомерская волость.

1885: озеро Сомро⁴⁰, озеро и река Сомра, дорога в Сомру⁴¹.

У Трусмана (1884) – Сомерское озеро⁴² (возможно, эта форма взята им из разговорной речи).

Современная форма названия – *Самро* – появляется в XIX веке («Подробная карта России» 1804 года⁴³, «карта Шуберта» 1834 года, карта Курторги 1852 года). Похоже, что это название первоначально было трехсложным и ударение падало на первый слог. *Самро* – предположительно прибалтийско-финский гидроним, ударная гласная первого слога могла быть *o* (**Сомеро*) [1: 224].

Изменение гласного первого слога (*o* > *a*) произошло в результате переноса ударения на последний слог (безударное *o* в «акающем» диалекте по звучанию приближается к *a*). Выпадение безударного гласного второго слога (*Somero* > *somra*) встречается в ингерманландско-финских говорах (напр. инг-фин. *uotella* ‘ждать’, императив *uottele* > *uotla* ‘погоди’), то же в топонимах, напр. *Korovaisi* > *Korvaisi* (рус. Караваяво, Кинг. р-н), *Korvettula* > *Korttula* (рус. Корветино, Кинг. р-н), *Sierattala* > *Siertala* (рус. Сертолово, Сев. р-н), *Vaarakkala* > *Varkala* (рус. Варколово, Сев. р-н), *Vähikkälä* > *Viähkälä* (рус. Вяхтелево, Гатч. р-н), но больше похоже, что выпадение *e* произошло в русском языке, при адаптации иноязычного названия: *Somero* > *Сумро* (позже > *Сомра* > *Самро*). Возможность подобной адаптации прибалтийско-финских онимов в языках окружения подтверждают примеры: *inkerikot* > ингрикоты, *Inkeri* > *Ingria* и др.

Семантика **сомеро* прозрачна – в его основе природный термин, означающий скопление мелких камней, ср. фин. *somero* ‘крупный гравий, галька’, *somerikko* ‘галечник’; иж. *someria* ‘крупный песок’, *somerikas* ‘каменистый’ (о почве, где много мелких камней); водск. *sõmõra* ‘гравий, хрящ, крупный песок’⁴⁴; эст. *sõmer* ‘гравий, щебень, дресва’ (осадочная порода, состоящая из неокатанных частиц размером 2–5 мм). Природные характеристики озера Самро соответствуют значению иж. *someria*, водск. *sõmõra*, фин. *somero*.

В соседних районах немало топонимических аналогий:

Sameraisi, ойконим (рус. Новополе, Лом.), образован от группового антропонима (катойконима), попавшего в финскую языковую среду в русской огласовке (с безударным *a* в первом слоге);

Someroi, ойконим (рус. Стремление, Кинг.); *Somerokangas*, ойконим (рус. Сергиевка / Володарка, С.-Петербург);

Somero и *Somerniemi*, две волости в области Нäме (Финляндия);

Sõmeru, ойконим в уезде Lääne Virumaa (Эстония) и др.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЯ СОМРЯКИ

Сомряки – этноним или нет? Начнем с очевидного: сомряки – локальный групповой антропоним⁴⁵. Подобные антропонимы известны в большом количестве; среди них есть оттопонимические (*кацкари*, *сицкари*, *кокшары*, *мартыши*, *москвичи*, *осташи*, *пошехонцы*, *поморы*, *сибиряки*, *скобари* и т. д.) и неоттопонимические (*горюны*, *кайваны*, *саяны*, *талапанцы*, *трескоеды* и др.). И в той, и в другой группе одни групповые антропонимы имеют этническое содержание, другие лишены этнического содержания.

Название *сомряки* очевидно вторично по отношению к лимнониму *Самро*. Иначе говоря, *сомряки* – оттопонимический коллективный антропоним (катойконим). Можно ли считать его этнонимом? Обособленные локальные группы сельского населения в отдельных случаях трактуются как субэтнические группы. С учетом приведенных выше сообщений XIX века сомряков можно было бы считать субэтнической группой русских, хотя к нашему времени их отличия от остальных русских уже стерлись.

В русском языке *сомряк* – мужчина; женщина – *сомряха* (ударение на второй слог). Во множественном числе ударение переносится на третий слог (*сомряки*). Безударное *o* первого слога звучит неясно (встречается написание *самряки*).

У ижор (см. выше) сомряк (мужчина и женщина) – *somrakka*, мн. ч. *somrakat*, у води – *somrõk*, мн. ч. *somrõkõd*. В финских говорах автором фиксировалась форма *somrakko*, мн. ч. *somrakot*. Этноним (катойконим) образован при помощи суффикса *-kka/-kko* (водск. *-õk*). Этот суффикс применяется в том числе и для характеристики людей, напр. *häirikkö* ‘баламут’, *hupakko* ‘глупец’ и др. Напрашивается параллель с другими этнонимами и катойконимами, напр.: *Inkeri* > *inkerikko*, *Savo* > *savakko*, *Vena* > *venakko* и др.

Как видно, русские суффиксы *-як* и *-яха* в названиях *сомряк* и *сомряха* вполне соответствуют прибалтийско-финским суффиксам *-kka/-kko* и могут быть их калькой в русском языке. Однако столь же возможным представляется происхождение названия *сомряк* на русской почве. В русском, как и в других славянских языках, есть словообразовательная модель с суффиксом *-як*, мн. ч. *-яки*. В основном это обозначения людей, связанные с их занятиями, местожительством

или иными особенностями (*земляки, кержаки, моряки*). Среди групповых антропонимов на *-як, -яки* есть этнонимы и катойконимы (*вотяки, ержаки, кимряки, кунгурияки, мещеряки, пермяки, поляки, сибиряки, смоляки, туляки, чердаки*). По той же модели образованы слова с парой суффиксов (*бедняк, горняк, середняк, скорняк, степняк*). Данный лексический ряд можно продолжить словами на *-ак* (*рыбак, чудаки*), *-ник* (*барышник, дворник, лесник, отшельник, техник, чайник*), *-чик* (*возчик, наладчик*). Обратим внимание, что приведенные примеры относятся к социальной лексике, отражающей занятия, местожительство, социальное положение. Отсюда предположение, что название *сомряки* возникло в русском языке, по славянской модели, а его соответствия в прибалтийско-финских языках вторичны (*Самро* > *сомряк* > *somrakko*). Так или иначе, прибалтийско-финская словообразовательная модель *-kka/-kko* семантическая и фонетически близка славянской модели на *-ик/-як*, ср. фин. и иж. *haavikko*, эст. *haavik* 'осинник', фин. и иж. *koivik*, водск. *kasikko* 'березняк', фин. и иж. *lerikko*, эст. *lerik* 'ольшаник', эст. *männik* 'сосняк' и др. Итак, этноним *сомряки* мог возникнуть как на прибалтийско-финской, так и на русской почве.

Генезис этнонима *сомряки* и его вариантов в прибалтийско-финских языках можно изобразить схематично:

*Somero > рус. Сумро / Сомра > водск. и иж. Somra / Somra pooli

→ иж., фин. somrakko, мн. ч. somrakot

→ водск. somrök, мн. ч. somrököd

→ эст. *sombrak, мн. ч. sombrakud

→ рус. сомряк, сомряха, мн. ч. сомряки [самряк, самряха, самряки]

Из этой схемы видно, что название *сомряки* появилось после возникновения редуцированной формы топонима (Сумро, Сомра), но еще до перехода *o* > *a* в первом слоге (Сомерская волость, Сомра), то есть, скорее всего, с XV по XVIII век.

СОМРЯКИ В АНТРОПОНИМИИ И ТОПОНИМИИ

Память о сомряках осталась в фамилии *Сомряков* и *Самряков*, представленных в Петербурге, Ленинградской и соседних областях (Псковской, Новгородской), а также у русского населения Эстонии (Причудье). В Ингерманландии фамилия *Сомряков* представлена у русских

(Красницы, Гатч. р-н) и у воды (Раннолово, Кинг. р-н). К сомрякам могут иметь отношение фамилия *Someroinen* (ингерманландские финны, приход Тугö, Лом. р-н) и ойконим *Sameraisi* (приход Nietamäki, рус. Новополие, Лом. р-н). С сомряками могут быть связаны эстонские фамилии *Samra, Sombri, Soomre, Sõmeri, Sõmerik, Sõmerma, Sõmermaa* (некоторые из них могли получиться в результате германизации эстонских либо эстонизации немецких фамилий или на местной почве – от топонимов с основой *Sõmer*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время «страна сомряков» – малонаселенная местность. Потомки здешних уроженцев, родившиеся в Петербурге либо рассеянные по всей России, «уже не сомряки», «не видели Самра». Этноним *сомряки* в наше время практически неизвестен в Петербурге и его ближайших окрестностях. Культурное наследие сомряков (диалектная речь, фольклор) в значительной части утрачено. В настоящее время сомряки – исчезающая этнолокальная группа.

Этноним *сомряки* принадлежит русскому языку, но при этом у него есть соответствия в местных прибалтийско-финских языках, и нельзя уверенно сказать, какой этноним первичен – русский или прибалтийско-финский. Неясен и возраст этнонима *сомряки* – нельзя исключить его позднее происхождение (XVIII или даже XIX век). «Язык сомряков» – севернорусский диалект, содержащий субстратную (прибалтийско-финскую) лексику. Представления о прибалтийско-финском языке сомряков происходят, возможно, от русско-эстонского двуязычия сомряков-коробейников. Вместе с тем вероятным представляется бытование у части сомряков особого прибалтийско-финского языка даже в начале XX века. Допустимо предположение, что сомряки – это и есть обрусевшая «южная вода».

На сегодняшний день у исследования сомряков еще есть перспективы. До сих пор существует возможность записи диалектной лексики и планомерного сбора топонимов (особенно важно записать звучание ойконимов с ударением). Сведения о сомряках можно найти и вне «страны сомряков». Не исключено, что будут открыты другие письменные свидетельства о сомряках.

СОКРАЩЕНИЯ

Районы Ленинградской области: Вол. – Волосовский, Гатч. – Гатчинский, Кинг. – Кингисеппский, Лом. – Ломоносовский, Луж. – Лужский, Слан. – Сланцевский.

Языки: водск. – водский, иж. – ижорский, инг.-фин. – ингерманландско-финский диалект, ниже-нем. – нижне-немецкий, рус. – русский, фин. – финский, инг.-фин. – ингерманландско-финские диалекты, эст. – эстонский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее жирным курсивом выделены ударные гласные.
- ² Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses // Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Toim. A. Viires. Tallinn: Valgus, 1970. S. 51–55.
- ³ Trefurt L. F. Von den Tschuden // Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit I:5. Riga, 1783. S. 1–28; Trefurt L. F. Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden. // Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit II:2. Riga, 1785. S. 89–122.
- ⁴ Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland, von D. A. J. Sjögren. St. Petersburg, 1833. S. 4.
- ⁵ Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale... S. 48. В цвете карта есть на электронном ресурсе <https://a-121.ru/prikosnovenie-k-vechnosti-opyt-poves/> (дата обращения 25.10.2025).
- ⁶ Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда. Из записок крестьянина Ефима Андреева // Историко-статистические сведения о СПб епархии. Вып. 10. СПб., 1885. Приложения. III. С. 175–176.
- ⁷ Погост Долоцко в Гдовском уезде. Очерк Ругодивцева. СПб., 1873.
- ⁸ Трусман Ю. А. Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Известия ИРГО. XXI. СПб., 1884. С. 4–5, 23.
- ⁹ Там же. С. 12–15.
- ¹⁰ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. С. 176, 282.
- ¹¹ Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруж. борьба с III-им Интернационалом, 1919 год. Т. I–II. М., 1998. Фрагмент о сомряках [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-79123670_2261 (дата обращения 25.11.2025).
- ¹² Бudyко В. И. Север Гдовщины. Псков, 2005. С. 50.
- ¹³ Там же. С. 130, 207, 228.
- ¹⁴ Inkeröismurteiden sanakirja. Toim. R. E. Nirvi. SUS. Helsinki, 1971. S. 539. Перевод автора.
- ¹⁵ Dmitri Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Toim. Johanna Laakso. SUS. Helsinki, 1995. S. 303. Перевод автора.
- ¹⁶ Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. Ainekset kerännyt Lauri Posti. SUS. Helsinki, 1980. S. 477. Перевод автора.
- ¹⁷ Vadja keele sõnaraamat. 7. Toim. Silja Grünberg. Eesti Keele Instituut. Tallinn, 2011. S. 67. Перевод автора.
- ¹⁸ Кириллова В. А., Распопов И. М. Озера Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1971. С. 145.
- ¹⁹ Карта волостей С.-Петербургской губернии // Волости и гмины 1890 г. СПб., 1890. (Статистика Российской империи). 37. С.-Петербургская губерния.
- ²⁰ Эти деревни существуют и сейчас.
- ²¹ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1914. С. 117–124.
- ²² Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VIII. СПб., 1853. С. 152; Там же. Приложение V. С. 123–132.
- ²³ Половинкин И. Сомерский полк «пашенных» солдат // Лужская правда. 2024. 21 дек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lpravda.ru/news?id=16785> (дата обращения 25.11.2025).
- ²⁴ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 182.
- ²⁵ Бudyко В. И. Указ. соч. С. 74–75.
- ²⁶ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 181, 188, 196, 202, 210.
- ²⁷ Бudyко В. И. Указ. соч. С. 126–128.
- ²⁸ Там же. С. 72.
- ²⁹ Ойконим *Псоедь* – явно русский; о его смысловом содержании см. у А. С. Гершельмана («сомряки собаку съели»), хотя могут быть и другие толкования.
- ³⁰ Полевые материалы автора. 2009 год.
- ³¹ АрАН (СПб). Ф. 135. Оп. 3. № 89 (Гдовский уезд), см. Доложская и Старопольская волости, № 90 (Кингисеппской уезд), Ложголовская и Осьминская волости.
- ³² Считается, что именно перепись населения 1926 года была самой подробной в плане фиксации различных этнических групп.
- ³³ Устное сообщение акад. Пауля Аристэ, записано автором 22.04.1989 года в г. Тарту.
- ³⁴ Привалов Н. И. Звончатые гусли на Руси // Музыка и пение. 1908. № 10. С. 3. См. также: Тынурист И. В. Где во гусли звонили? (опыт картографирования народных музыкальных инструментов) // Открытый лист. 2019. С. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://opentextnn.ru/museum/anthropological-museum/tynurist-i-v-gde-vo-gusli-zvonili-opyt-kartografirovaniya-narodnyh-muzykalnyh-instrumentov/?ysclid=mig961b7un689771284> (дата обращения 25.11.2025).
- ³⁵ Устное сообщение к. ф. н. М. Муслимова. Поездка М. Муслимова к сомрякам в 1993 году была инициирована МАЭ РАН. По результатам поездки публикации не было. Информация дана с разрешения М. Муслимова.
- ³⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1956. Т. II. С. 318, 505–506.
- ³⁷ Eesti etimoloogia sõnaraamat. Peatoim. Iris Metsmägi. Tallinn, 2012. S. 447.
- ³⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка... Т. IV. С. 94.
- ³⁹ Андрияшев А. М. Указ. соч. С. 118, 120, 122.
- ⁴⁰ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 177, 202.

⁴¹ Там же. С. 196, 210, 211.

⁴² Трусман Ю. А. Указ. соч. С.10.

⁴³ Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений, подготовлена в 1801–1804 годах Собственным Его Императорского Величества Депо карт.

⁴⁴ Vadja keele sõnaraamat. 5. Toim. Silja Grünberg. Eesti Keele Instituut. Tallinn, 2006. S. 329.

⁴⁵ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Аристе П. К эстонско-карельским (ижорским) языковым взаимоотношениям // Происхождение Карелии: Доклады семинара 30.6–2.7.1976. Йоэнсуу: Ун-т Йоэнсуу, 1977. С. 76–77.
3. Ивашко Л. А. Глаголы речи в печорских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 166–167.
4. Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада / Ред. В. Л. Васильев. В. Новгород: НовГУ, 2010. С. 175–197.
5. Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I. Западные районы. Л.: ЛВВИСУ, 1990. 127 с.
6. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
7. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
8. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Поступила в редакцию 16.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Alexei V. Kryukov, Associated Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
kauko@mail.ru

THE SOMRYAKS – WHO ARE THEY?

Abstract. The Somryaks (*Somryaki*) is the name of an ethnocultural group residing in the southwestern part of the Leningrad region. To date, there is no scholarly literature dedicated specifically to the Somryaks. Occasional references to this group of population have raised questions regarding their ethnicity and language. The author collected information about the Somryaks in the 1990s through interactions with Ingermanland Finns and Izhorians, and conducted further fieldwork in the 2000s within the Somryaks' area. The article presents ethnographic data on the Somryaks, including their own perceptions of their connection to the Chud', a group of peoples who used to inhabit their land. Additionally, the author traces the history of references to the ethnonym *Somryaki* (the Somryaks) in the Russian language and explores potential parallels with this ethnonym in Baltic-Finnish languages. Possible etymologies of the ethnonym *Somryaki* and the hydronym *Samro* are also examined. The article incorporates field materials collected by the author.

Keywords: Somryaks, Vod', Izhora, Chud', Ingermanland Finns, ethnocultural groups, ethnonyms, toponyms, etymology

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to M. Braudze for technical assistance, as well as to T. Tupin and M. Muslimov for discussing the topic while writing this article.

For citation: Kryukov, A. V. The Somryaks – who are they? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):105–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

REFERENCES

1. Ageyeva, R. A. Hydronymy of northwestern Russia as a source of cultural and historical information. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
2. Ariste, P. On Estonian-Karelian (Izhorian) language relations. *The origin of Karelia: Seminar reports, 30 June – 2 July 1976*. Joensuu, 1977. P. 76–77. (In Russ.)
3. Ivashko, L. A. Speech verbs in Pechora dialects. *Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2006*. St. Petersburg, 2006. P. 166–167. (In Russ.)
4. Kryukov, A. V. Vod' or Chud'? *Language and traditional culture of northwestern Russia*. Veliky Novgorod, 2010. P. 175–197. (In Russ.)
5. Lapshin, V. A. The archaeological map of the Leningrad region. Part I. Western areas. Leningrad, 1990. 127 p. (In Russ.)
6. Myznikov, S. A. Russian dialects of Obonezhye. An areal-etymological study of vocabulary of Baltic-Finnish origin. St. Petersburg, 2003. 540 p. (In Russ.)
7. Sedov, V. V. The Eastern Slavs in the VI–XIII centuries. Moscow, 1982. 328 p. (In Russ.)
8. The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. (V. V. Sedov, Ed.). Moscow, 1987. 512 p. (In Russ.)

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026